

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ИГОРЮ ШУНЕВИЧУ

Господин министр! Уважаемый Игорь Анатолиевич!

Прочел вашу оценку административного дела, возбужденного против меня в суде Центрального района города Минска. Никак не ожидал, что дело дойдет до такого высокого уровня, думал, что закончится на уровне руководства РУВД. Возможно, кому-то инцидент мог показаться незначительным, но если вы сочли возможным лично с ним познакомиться, то это придает делу серьезный характер. Весьма признателен вам за ваше внимание к этому делу! Ведь это всего лишь маленький повод подумать и поговорить об очень серьезных проблемах. И я пользуюсь этим поводом. Мне хотелось бы о многом с вами поговорить: о деятельности милиционеров в Центральном РУВД, об административных процессах в судах, о репутации и доверии к правоохранительным органам нашей страны, о стране в целом, о государстве и о Родине.

Об искусстве, театре, творчестве Булгакова тоже можно поговорить, но об этом, пожалуй, в другой раз.

Давайте поговорим об инциденте

Я должен сделать признание. Да, я все это закрутил, причем сознательно. Не сочтите это за иронию. Конечно, я не считаю себя виновным в том, что существуют другие люди, издали похожие на меня, особенно в кепке и зимней одежде. Не виновен я и в том, что не был на том митинге. Нет, я просто дал делу ход.

Ведь я мог просто прийти в РУВД, показать билеты, паспорт со штампами, и дело не довели бы до суда. Да и потом, уже на суде, я мог сразу же предъявить доказательства алиби, и трем сотрудникам Центрального РУВД не пришлось бы лгать, глядя мне прямо в глаза. Однако я этого не сделал, и не сделал вполне сознательно.

Считаю своим долгом объяснить вам такое свое поведение. Видите ли, я ведь до суда знал, что ваши подчиненные будут на суде лгать! Вам не кажется странным, что я это точно знал до суда? Вас не возмущает такая предвзятость с моей стороны и полная уверенность в том, что я могу предсказать действия милиционеров? Меня бы на вашем месте это возмутило. Думаю, что и свидетели, выступавшие на суде, возмущены моим поступком и питают ко мне совсем недобрые чувства.

Я и сам очень расстроен этим обстоятельством. Я не доверяю милиции. Это даже мягко сказано — расстроен. Знаете, страшно жить в стране, если априорно (извините за такое слово, но полагаю, что вы имели основания, рассказывая однажды о высоком культурном уровне милиции) граждане с недоверием относятся к милиции! Милиция должна быть той инстанцией, к которой граждане

обращаются за защитой, в том числе и за защитой от несправедливых обвинений. Милиция должна защищать, а не карать. Заниматься профилактикой правонарушений, а не выдумыванием их.

Однако по порядку. Милицionеры могли обознаться, принять одного человека за другого. С каждым бывает. Но сотрудники Центрального РУВД не обознались. Возможно, что они видели некоего человека на митинге, но не могли принять его за меня, поскольку меня они не знали до того. Поэтому не могли обознаться. Если доверять словам Пресняка Д.В., то меня опознавали по базе данных, где была фотография с паспорта, уже после митинга. Каким образом из базы данных извлекли именно мои данные Пресняк Д.В. не объяснил. Не стану прикладывать свою паспортную фотографию и единственное фото, очень плохого качества, кстати, фигурировавшее в деле, не вижу в этом необходимости. Но со всей уверенностью могу сказать, что сходство этих двух фотографий можно обнаружить только при очень горячем желании. Ну, да ладно. Если такое желание было вменено сотрудникам Яковлеву И.И. и Шишко А.А., то могли бы и обознаться. Но на суде!!! Где они стояли в 1,5 метрах от меня! Могла бы возникнуть хоть тень сомнения! Не возникла. Почему?

Можно, я сразу задам несколько вопросов, на которые хотел получить ответ еще в ходе судебного разбирательства?!

— Если человек с транспарантом «Працу!» нарушал общественный порядок, то почему милиционер не подошел к нему и не объяснил, что именно этот человек нарушает, и не предупредил его об ответственности? Заодно поинтересовавшись его именем. Белорусские граждане законопослушны, и этот человек внял бы словам милиционера и прекратил бы нарушать общественный порядок. Согласитесь, нельзя исключать такой ход событий.

— Если человек с транспарантом не представлял общественной опасности, то зачем было его «пробивать по базе», выяснять его имя и привлекать к административной ответственности? Ведь на митинге было несколько сотен людей. Ну, ладно, пусть сотня, за вычетом сотрудников милиции. А к ответственности привлечено всего лишь несколько десятков.

— Ясно, что на транспаранте была написана просьба: «Працу!». Это значит, что человек сообщает миру своим транспарантом, что он находится в нужде, он потерял работу, он обижен и обездолен. Почему милиция не становится на сторону обездоленного и даже не интересуется, кто его обидел?

Очень надеюсь, что вы, как культурный и образованный человек, не сочтете мои вопросы глупыми! Да, они наивны, но не глупы.

Ведь не станете же вы оспаривать:

- что предотвратить правонарушение проще, чем ликвидировать;

- что милиционер на службе должен предотвращать правонарушения, а не быть безучастным наблюдателем;

- что если митинг прошел мирно, никакой угрозы общественному порядку не возникло, то и привлекать к ответственности нет никаких оснований;

- что милиция может (не стану говорить, что должна) поинтересоваться, чем она может помочь обиженным и пострадавшим (например, потерявшим работу), пусть даже и не имея возможности им помочь.

Зачем я это с вами обсуждаю? Понимаете ли, в чем дело, мои симпатии целиком и полностью на стороне тех, кто был на митинге 15 февраля. И мне бы очень хотелось, чтобы наша милиция охраняла людей, вышедших на митинг, а не преследовала бы их. Думаю, что это было бы правильно.

Но, увы, мои взгляды не совпадают со взглядами милиции, наверное, и с вашими.

И очень жаль! Ведь вы чиновник очень высокого ранга, вы давали обещание служить в своей должности народу, то есть тем, кто вышел на митинг 15 февраля. Ну и мне тоже, поскольку я тоже принадлежу к этому народу. Так почему же наши взгляды не совпадают?

Согласитесь, это очень серьезная проблема! На ее фоне ложь Яковлева И.И., Шишко А.А. и Пресняка Д.В. на суде выглядит просто мелким недоразумением.

Итак, я изначально не доверял милиционерам, которые пришли свидетельствовать на суде, поскольку знал, что наши взгляды на жизнь, на то, что должна делать милиция и чего она не должна делать, очень сильно расходятся. И господа Яковлев И.И., Шишко А.А. и Пресняк Д.В. полностью подтвердили мое недоверие к ним!

Не стану хвалиться своей проницательностью. Я ведь никого из них не знал раньше. А такое недоверие к людям иных взглядов можно считать ксенофобией! Для меня, как философа, обнаружить в себе ксенофобию — весьма неприятное открытие. Я привык считать себя толерантным к чужим взглядам, терпимым к иному мнению. Привык и себя считать терпимым и толерантным и хотел бы такого же отношения к себе других людей, включая милицию.

Но хотеть — не вредно. Увы, наши хотения часто расходятся с реальностью. А я немного знаю реальность. Впервые с ложью свидетелей из числа сотрудников милиции я столкнулся еще в 1997 году, на суде. То есть у меня есть личный опыт. А опыт есть опыт, и никакой ксенофобии.

Кроме личного опыта, мне известны десятки задокументированных правозащитниками случаев лжи милиционеров в судах. Понимаете, Игорь Анатолиевич! Личный опыт, десятки задокументированных фактов и экстраполяция! Это значит, что сотни фактов такого рода не задокументированы.

И как же, зная все это, я могу доверять милиции? Никак.

Правда, ваше признание ошибки Яковлева И.И., Шишко А.А. и Пресняка Д.В. меня обнадеживает. Если министр внутренних дел страны готов журналистам объявить об ошибке его подчиненных и готовности разобраться, это обнадеживает. Вселяет надежду на то, что от признания ошибки дело дойдет до ее исправления и принятия мер по недопущению подобного в будущем.

Но, Игорь Анатолиевич, знаете, что меня гложет? Меня гложет сомнение. И от этого сомнения надежда чахнет и слабеет. И вот почему!

Вы признали ошибку. Вы сказали, что милиционеры обознались. Но ведь вы слукавили! Они не обознались, они солгали! Давайте будем называть вещи своими именами. Солгали на суде, будучи предупрежденными об ответственности за дачу ложных показаний. Извините меня за мою не очень компетентную терминологию. Пусть не ложных показаний, поскольку суд административный, но ложных объяснений. А ложь и ошибка — это, согласитесь, две большие разницы!

Понимаю, что это только начало разговора об инциденте со мной, его следовало бы продолжить.

Давайте теперь поговорим о суде

Знаете, что еще страшнее? Да, имея опыт и знание, я знал, что свидетели будут лгать на суде. Это очень плохо: и лгать плохо, и то, что я ничего, кроме лжи от них не жду, — совсем плохо. Но совсем страшно, что судья В. Шабуня тоже нисколько не сомневалась, в том, что они лгут.

Судья!!! Игорь Анатолиевич! Судья знает, что свидетели лгут, и ведет судебное заседание, как ни в чем не бывало! Вам не страшно?! Если нет, то у вас железные нервы! Завидую. А мне страшно!

После суда по моему делу, та же судья и с теми же свидетелями ведет другое заседание. Вы понимаете, что происходит? Судья ведет судебное заседание, зная, что свидетели лгут, и даже после того, как их ложь установлена, она допускает этих лжецов в качестве свидетелей и принимает их показания! Ну, или объяснения! Понимаете, установленных лжесвидетелей допускают свидетельствовать в суде?!

Одно дело априорно заранее знать, что милиционеры, приглашенные в суд, будут лгать. Ведь, как говорится, не пойман — не вор, не пойман на лжи — не лжец. Презумпция невиновности

действует и в отношении свидетелей, и в отношении милиции. Но эти люди были только что пойманы на лжи. Как минимум, это основание дать им отвод как свидетелям. Но судья принимает их свидетельства, зная все.

Можно ли назвать это судом?

Милицию и полицию нигде не любят. Так уж сложилось. Служба трудная, требующая от сотрудников милиции и полиции специфических человеческих качеств, и эти качества вовсе не самые привлекательные. Только в романтических книгах и фильмах милиционеры выступают воплощением доблести, честности и принципиальности. Я совсем не хочу сказать, что таких не бывает! Наверное, и такие бывают. В жизни же встречается и жестокость, и ограниченность ума, и хамство, и бюрократическое упрямство. Чего уж тут скрывать. Да, никто и не скрывает, и тех же книгах и фильмах об этом говорится.

Но одно дело — милиция и полиция, и совсем другое дело — суд. От суда все, без исключения, ждут и требуют справедливости, непредвзятости, строго следования букве закона. Нет правды на земле — и мы надеемся, что она есть где-то выше. Нет справедливости в жизни — но мы надеемся на нее в суде. А если не в суде, то где же еще?

Как можно жить в стране, в которой нет надежды на честный справедливый суд? Где суд принимает лжесвидетельство как должное?

Игорь Анатолиевич! Мне очень хочется, чтобы вы меня поняли! Поняли весь тот экзистенциальный ужас, который я переживаю в связи со всем тем, во что оказался втянутым помимо своей воли.

У меня нет обычного обывательского страха за себя в этой ситуации. Когда мне позвонил секретарь суда и вызвал на суд, я не боялся, ведь я же знал, что я невиновен, что я не совершал ничего противозаконного. И у меня 100-процентное алиби. Чего мне бояться? Меня это только слегка раздосадовало — отвлекают на пустую суету. Но, к сожалению, у меня богатая фантазия, и я задумался.

Ведь у меня железное алиби только на 15 февраля, но на остальные дни нет, а митингов в феврале было несколько. Я не был ни на одном, но ведь это ничего не значит. На этих митингах могли быть бородатые люди в кепке и в очках, а этих «особых примет» для наших зорких пинкертонов более чем достаточно, чтобы со 100-процентной уверенностью опознать меня. Да что там митинги! С такими приметами могут быть и убийцы. И реальные воры, и наркоторговцы, и сутенеры, и злостные неплательщики алиментов, и даже люди, переходящие дорогу на красный свет (в нашем Минске это немыслимое преступление, но мало ли). Что мне смогут инкриминировать в следующий раз?

И как мне быть? Выбросить кепку и начать носить шляпы? Сделать лазерную коррекцию зрения, чтоб не носить очки? Сбрить бороду? А я не люблю бриться. Может, придется сделать пластическую операцию и вставить зубы. А я до ужаса боюсь зубных врачей.

В общем, конкретного суда я не боялся, но суд как таковой стал для меня кошмаром.

Вам, человеку суровой мужской профессии, мои страхи могут показаться интеллигентскими комплексами, но не торопитесь с выводами! Нет у меня таких комплексов, только реальный подход к функционированию институтов в белорусском социуме. Суд — это системообразующий институт цивилизованного общества. А у нас в стране нет такого института, потому что то, о чем мы с вами говорим, Игорь Анатолиевич, — это не суд, а только пустая оболочка.

Нет, конечно, я очень рад, что меня не признали виновным на этот раз! Рад и тому, что потом суд принял мои замечания к протоколу и внес соответствующие исправления. Что-то, какие-то детали настоящего суда все еще сохраняются. Но этого очень мало, чтобы быть фундаментом законности и справедливости. Страна не может считаться цивилизованной с таким судом. С таким судом страна в опасности.

Давайте поговорим о стране, о Родине

О Родине трудно говорить без пафоса, но давайте попробуем.

Любите ли вы Родину так, как люблю ее я? Я почему спрашиваю! Просто о Родине мы говорим иначе, чем просто о стране. А я ведь даже не знаю, считаете ли вы Беларусь Родиной или просто состоите здесь на государственной службе?

Прошу вас, Игорь Анатолиевич, не обижаться на такое мое сомнение! Ничего личного, просто опыт и реальный взгляд на вещи. Вы же лучше меня знаете, столько высокопоставленных сотрудников МВД, КГБ, других силовых и просто сильных ведомств дослуживались в нашей стране до пенсии, а потом уезжали в Россию. Служба — службой, а жизнь — жизнью. Даже если чиновник или офицер не испытывает никаких сентиментальных чувств, это не мешает ему добросовестно служить. Помните телевизионного начальника, которых построил сервильный телеканал, даже два, а потом уехал в Санкт-Петербург и оттуда ерничал и иронизировал о том, как он дурил белорусскую публику? А некоторые и пенсии не дожидались, а достигнув потолка карьеры, уезжали работать где-то еще, на службу другому государству. Среди них попадаются и премьер-министры, и даже главы администрации президента.

Чтобы между нами не возникало недомолвок, скажу, что я такого очень не люблю — не людски это. Люди делают что-то в стране, понимая, что это не для себя, что они так сами жить не хотят. Вот вы, Игорь Анатолиевич, хотели бы оказаться перед таким судом, о котором мы с вами поговорили? Чтобы против вас свидетельствовали подчиненные другого начальника, чтобы судья знал, что они будут лгать, и делал вид, что судит вас по правде и справедливости? Не дай Бог,

конечно! Ни в коем случае не желаю вам оказаться в такой ситуации. Но, а если вдруг? Вы ведь можете не понравиться журналистам или перейдете дорогу каким-нибудь влиятельным лицам! В жизни всякое может быть.

Думаю, что вы, как любой честный человек, хотели бы рассчитывать на честный и справедливый суд. В этом мы с вами можем быть вполне согласны.

А что же происходит в нашей с вами стране? Милиции доверять нельзя, суду, как выясняется, тоже. Вы давно интересовались социологическим мониторингом доверия к социальным институтам? Помните, каков уровень доверия к нашим правоохранительным органам? Ужас! Но еще ужаснее, что больше 80% граждан Беларуси вообще никому не доверяют! И как тут жить?

И мы с вами в этом живем. Более того, мы своим действием, или бездействием этому способствуем. Да, да! Незачем отмахиваться от этого неприятного факта.

Вот, глядите: трое милиционеров дали ложные показания, попросту оболгали меня. Составили протоколы, пришли на суд, ввали мне в глаза. Ведь не думаете же вы, что они очень плохие люди! Законченные лжецы. Вот я так не думаю. У них не могло быть ко мне личной неприязни, чтобы строить козни. А находясь на самом низу милицейской иерархии, они не могли задумать и осуществить весь этот процесс по собственной инициативе — они просто делали свою работу, выполняли поставленную задачу.

А ведь кто-то поставил им эту задачу! Кто? Ясно, что такую задачу им могли поставить только непосредственные начальники. Их начальство — это офицеры МВД, то есть люди, юридически грамотные, опытные, осмотрительные. Они понимали, на что идут. А понимая, они должны были, ради собственной безопасности, заручиться поддержкой своего начальства, то есть руководства Центральным РУВД города Минска. Понимаете, к чему я клоню?

Сейчас, после ваших слов об ошибке Яковлева И.И., Шишко А.А. и Пресняка Д.В., им не уйти от наказания. Но они просто крайние. Наказывать их будет их же непосредственное начальство, которое поставило им такую задачу. За что их будут наказывать? За плохо выполненную задачу.

А ведь сама поставленная им задача преступна! Их принудили солгать. Значит, надо наказать весь РУВД. Кто может наказать начальника РУВД? Городское начальство. Таким образом, мы имеем в городе Минске, в столице Республики Беларусь, целый район, где милиция практикует ложь, где начальство отдает подчиненным преступные приказы. Значит, это уже проблема всего Минска.

Но давайте уж откровенно! Ведь такое практикуется и в других районах нашей столицы! Яковлев И.И., Шишко А.А. и Пресняк Д.В. просто попались — им не повезло. Но другие районные РУВД и суды действуют точно так же. Вы согласны? Тогда, можно, я не буду про другие города Беларуси говорить? Там все может оказаться еще хуже. Достаточно Минска.

Начальники РУВД могли сговориться между собой, чтобы запустить такую практику в городе? Конечно, могли. Предположим, что это сговор начальников РУВД, о котором городское милицейское начальство ничего не знало. Может же и такое быть!

Как мы с вами к этому должны относиться? Не знаю, как вы, а мне хочется закричать при виде такого беспредела и преступного сговора: «Куда смотрит милиция!» Собственно, я и кричу это вам. Вы ведь главный милиционер в стране, а в вашем ведомстве такое творится!

А что такого уж творится? Подумаешь, дело-то (дела) — административное. И цена вопроса — каких-то BRB10.000.000, или \$500.

Вот тут я должен вернуться к своему вопросу о Родине и любви к ней, о взаимном доверии граждан к институтам и институтов к гражданам.

Вы ведь родились в Луганской области и, возможно, душой прикипели к тем местам. Скажите, у вас не болит душа о своей малой родине? Там сейчас кровь, резня, разбой и разруха. Вот у меня болит, даже при том, что я всего лишь один раз был в Луганске и то проездом. Это я к тому, что даже если вы прикипели душой к своей малой родине больше, чем к Беларуси, где живете и которой служите, вам не может быть безразлично то, что здесь творится, как и мне не безразлично то, что происходит сейчас там. Мне хочется думать, что в этом мы с вами похожи, мы ведь — люди и сочувствие нам не чуждо.

Так вот, что там происходит и кто в этом виноват! Мы можем найти виновных персонально, это может быть Ахметов, Гиркин, Захаренко, Путин, Янукович, Порошенко, даже Турчинов или страшный Ярош. Но истинные причины ведь глубже! Это коррупция, криминал, ложь на всех уровнях, продажность чиновников, привычка жить не по закону и совести, а по понятиям. Давайте вспомним любимого нами Михаила Булгакова! Разруха в стране порождается разрухой в головах. А продажность всех государственных институтов сверху донизу, коррупция и беззаконие — это только следствие разрухи в головах. И белорусское общество не так уж сильно отличается от донбасского социума по этим показателям. И мы имеем только один маленький прецедент с Яковлевым И.И., Шишко А.А. и Пресняком Д.В., с которым связана вся должностная иерархия города Минска до самого главного столичного милиционера. В Луганске до поры до времени тоже не придавали значения малым и большим прецедентам лжи, коррупции, круговой поруки в органах. И вот, к чему это привело!

Мы ведь с вами не хотим такой судьбы для Беларуси, не правда ли? Как я не хочу, чтобы вы попали в ситуацию суда и оговора, подобную той, в которую попал я. Не хочу я для вас этого ни в мелком масштабе, ни в крупном, ни в каком. Но это во мне говорит душа, чувства и сознание. А вот ум мой подсказывает другое. Что? Сейчас скажу.

Если уж вся милицейская иерархия Минска вместе с судебной системой задействована в таком судопроизводстве, как кто-то из оппозиции это назвал, в «судебном конвейере», то вы, министр

внутренних дел Республики Беларусь, не могли всего этого не знать! Вы должны были все это знать и без прецедента со мной.

Ум! Мой ум слаб — я могу ошибаться. Я могу ошибаться и потому, что мало знаю, и потому, что аргументы уму подбрасывает воображение. Поэтому я критически отношусь к своим умозаключениям.

Мне что? Я — философ, вольный человек. Это вы при должности, высокой и ответственной. Вы не можете давать волю воображению, не можете позволить себе сомнения и колебания. И вы вынесли свое умозаключение: была допущена ошибка!

Ну, что ж, пусть будет так. Но мы ведь уже не о маленькой ошибке, а о судьбах Родины говорим. И мы отвечаем с вами за нее перед потомками и друг перед другом, перед всеми гражданами Беларуси.

Согласитесь, что незавидна судьба Родины, если министр внутренних дел знает о том, что систематическая ошибка (мнение о том, что это не ошибка, а установка и принцип работы органов, пусть остается при мне) заложена во всю правоохранительную систему, и ничего не делает, чтобы это исправить!

Впрочем, я как-то постепенно от разговора о Родине перешел на разговор о вас, о человеке, Игоре Анатолиевиче Шуневице, и о министре.

Давайте поговорим о вас, о министре и человеке

Вы уже поняли, что у меня нет пиетета перед погонами, чинами и званиями. Да, я не высокого мнения о наших чиновниках и политиках — и о тех, что при власти, и о тех, что в оппозиции.

Помните, я уже говорил, что допускаю существование честных, ответственных, принципиальных милиционеров, а значит, допускаю и существование таких чиновников, министров и политиков тоже. Они есть, их не может не быть, на них свет и страна держится. Они были даже в сталинском НКВД, форму которого вы как-то надели по случаю какого-то юбилея. Я не склонен придавать большого значения таким поступкам, поэтому допускаю, что вы, Игорь Анатолиевич, из таких людей.

Но я также знаю, как трудно жить и работать таким людям в системе, которая построена на совсем иных принципах. Вы, Игорь Анатолиевич, большой начальник. Но, давайте, положим руку на сердце, подумаем: а что вы можете?

А можете вы очень мало. Вы — человек системы. Вы встроены в эту систему в своей должности и если будете исполнять свои обязанности так, как велит совесть, честь офицера, чувство долга, то

система вас отторгнет. Вы связаны по рукам и ногам обязательствами перед вышестоящими начальниками и перед вашими подчиненными.

Если я не ошибаюсь в своем допущении и вы именно из тех принципиальных, честных и ответственных людей, которые служат, а не прислуживаются, то понимаю, как вам трудно в этой системе. Трудно публично признавать ошибки подчиненных, еще труднее их исправить и уж совсем трудно изменить систему, чтобы этого не допускать.

Трудно не врать, когда все другие вокруг врут. И ведь не только рядовые и наивные, вроде Яковлева И.И.! Врут и заместители министра. Помню, как соврал в 2005 году замминистра внутренних дел пастору церкви «Новая жизнь». Наивный пастор, когда услышал, что замминистра дает слово генерала, убеждал своих прихожан, что генеральское слово многого стоит, а оно не стоило ничего. Впрочем, это было до вас, это эпизод из моего личного опыта. Но я не способен произвольно забывать, я помню. Вернемся к вам.

Вы не можете изменить систему, которая не вами построена и не вами управляется. Вы — министр, но не хозяин МВД.

А кто же хозяин МВД? У вас есть начальник — председатель Совета министров. Вы хоть и министр одного из важнейших министерств, но всего лишь один из министров. И вас не поймут, если вы начнете реформировать свою подведомственную систему, не согласовав это с остальными ведомствами. Полномочия вашего начальника — премьер-министра — в нашей стране тоже не очень велики. Над ним есть президент. Про парламент и суд я не буду говорить — их нет в стране как независимых институтов, поэтому для вас и премьер-министра это не начальство, а просто те, с кем приходится иногда решать текущие вопросы. Но начальство и хозяин — это разные вещи.

Что если я скажу, что хозяином МВД является народ Беларуси? Вы не станете смеяться в этом месте? Я же понимаю! Вы человек реальный и конкретный и всякие ритуальные слова из Конституции или из романтических теорий не должны на вас производить впечатления.

Но я идеалист и если знаю, что милиция должна служить народу, то и считаю, что она должна ему служить. Не министру внутренних дел она должна служить, не президенту, а народу. Даже не закону. Закон есть закон, и он суров, им, законом, и только законом, должна руководствоваться милиция в своей службе народу, а не чем-то еще. Это милиция — как социальный институт. А какова же роль министра в этом служении? А его роль в том, чтобы в своей службе народу все милиционеры руководствовались законом, чтобы каждый на своем месте делал все по закону, квалифицированно, ответственно, с честью и достоинством.

Но не можете же вы уследить за каждым из тысяч своих подчиненных? Ох, и трудная же у вас работа! Как вы с этим справляетесь? Я имею свое мнение на этот счет. Правда, не уверен, что это мнение вам интересно и важно. Во всяком случае, до сих пор вы не спрашивали моего мнения — вам это и в голову не приходило. И это понятно, до случившегося со мной инцидента вы и не

знали о моем существовании. Однако «я» — в данном случае, это просто фигура речи. Под «я» я имею в виду не столько себя лично, а позицию гражданина, простого рядового гражданина Республики Беларусь, одну десятиmillionную часть народа Беларуси — того народа, которому должна служить наша милиция. (Хотел написать штамп «доблестная милиция», но что-то мне подсказывает, что такой штамп будет чрезмерным сарказмом в контексте всего сказанного в нашем разговоре.)

Понимаете, я не склонен придавать слишком большого значения своему личному мнению. Оно тонет в десяти миллионах других мнений. Просто у меня появилась возможность вам его высказать, а такой возможности нет у миллионов других граждан. Так вот, высказываю.

Миссия милиции невыполнима, если милиция не пользуется доверием и поддержкой граждан, поддержкой народа, которому милиция служит. Мне не раз приходилось читать и слышать от высоких милицейских начальников, что профилактика правонарушений и борьба с преступностью — это всенародная задача, и с этой задачей милиция может справиться только при поддержке всего народа. Мы — один народ! И милиция, и ОМОН, который бьет демонстрантов, и сами демонстранты, в том числе и те, кто в отчаянье требует «Працы!», и я, против которого свидетельствуют в суде трое беларусов! Борьба с беззаконием и преступностью, профилактика правонарушений — наша общая задача.

Но как же мы можем справиться с решением этой задачи, если между нами нет доверия? Народ не доверяет милиции, а милиция не доверяет народу! Тому самому народу, которому служит, должна служить.

Да, да! Это яркое проявление недоверия к народу, когда человеку, требующему працы, милиция не спешит на помощь, а пытается привлечь к суду. Я, заметьте, уже не говорю о лжесвидетельстве, не говорю о себе, который там не был и ничего не требовал — я о том безымянном безработном, за которого меня пытались выдать ваши подчиненные.

Милиция не доверяет народу, народ — милиции, а я еще и сомневаюсь в том, могу ли я доверять вам, главному милиционеру страны. Не доверяю не человеку Шуневичу Игорю Анатолиевичу, а должностному лицу, министру. Не доверяю, поскольку представляю себе ваши ограниченные возможности исправить положение дел. Не доверяю министру, хочу доверять человеку.

Но доверие тогда и только тогда эффективно, когда оно взаимно. От моего желания доверять вам никакого толку, если вы не будете доверять мне. Между вами и мной могут установиться личные отношения, и это ничего не даст для страны, если мы не выведем наши отношения на другой уровень

Уровень отношений Министерства внутренних дел в лице министра и гражданского общества. Причем совсем не обязательно в моем лице. Вместо меня может быть любой другой. Ну, ладно, не любой, а авторитетный, честный и ответственный человек или организация. И такие отношения

МВД и гражданского общества будут тем самым сотрудничеством милиции с народом, которое сделает нас сильными в борьбе с беззаконием и преступностью. С коррупцией, злоупотреблением власти, социальными язвами и даже бытовыми правонарушениями.

Снова прошу вас отнестись к этим словам серьезно. Это не про то, что «галантерейщик и кардинал — это сила». Это про роль, миссию и функцию милиции как социального института.

Милиция должна работать под контролем гражданского общества. Например, при МВД должен работать ОКС (общественно-консультативный совет), состоящий из известных, авторитетных и компетентных людей. И непременно из известных (с хорошей репутацией), авторитетных (таких, за которыми стоят другие люди и организации), компетентных (это понятно), обязательно избранных народом, а не назначенных министром или еще кем-то. Избранных в ОКС людей может утвердить министр или президент, но потом — после избрания.

Впрочем, это может быть и не ОКС, а омбудсмен. Омбудсмена можно и назначить. Конечно, не министр внутренних дел, а парламент или президент. И уже потом назначенного омбудсмена может признать общество и народ. Если, конечно, он сможет заслужить признание и вызвать к себе доверие. А вызвав доверие к себе, омбудсмен сможет вызвать и доверие народа к милиции, способствовать взаимному доверию народа и милиции.

Вы можете, пользуясь своим высоким положением в правительстве, инициировать создание реального ОКС или введение поста омбудсмена?

По должности вы не обязаны этого делать. Но если мы с вами в разговоре достигнем хоть некоторого взаимопонимания, то по-человечески вы можете этого захотеть. Это будет не просто. Это я понимаю. Как понимаю, насколько вы ограничены в своих возможностях.

Но ведь хоть что-то вы можете!

Давайте поговорим о том, что вы можете

Я не даю советов, не люблю и считаю это глупым занятием, особенно если меня об этом не просят. А вы не просили. Поэтому не рассматривайте ниже сказанное как советы вам от какого-то там рядового гражданина, пусть себе и философа. Это просто мои размышления вслух. Как бы, например, можно было бы сделать несколько маленьких, символических шагов. Итак, например.

— Например, было бы здорово обязать всех милиционеров нести службу по охране общественного порядка в форме.

Зачем это? Ну, во-первых, это красиво.

Во-вторых, это честно и правильно. Ведь для чего милиция на улицах?! Не для слежки и политического сыска, а именно для охраны общественного порядка. И сама милицейская форма дисциплинирует. Дисциплинирует и самих милиционеров — они будут блюсти честь мундира. Дисциплинирует потенциальных правонарушителей — кто же станет нарушать общественный порядок на виду у милиции! Дисциплинирует и простых граждан и прохожих.

Представляете себе! Прохожие, видя, что на площади собрались небезразличные граждане, поднимающие злободневные вопросы, без страха и сомнения будут присоединяться и участвовать в обсуждении этих вопросов, решать общественные проблемы вместе — как это принято в цивилизованном обществе! Это же здорово, когда общественные проблемы решаются всем миром! Почему прохожие смогут вовлечься в общественно полезную деятельность? Да потому, что они будут видеть, что активные граждане находятся под охраной милиции, что милиция с народом, что собравшимся не угрожают провокации со стороны хулиганов, террористов или рьяных политических оппонентов.

Это еще и вопрос безопасности. Согласитесь, что когда к тебе подлетают парни не самой привлекательной наружности, не предъявляя документов, не озвучивая никаких добрых намерений, начинают крутить руки, то первое и естественное желание — ответить насилием на насилие. Милиционер без формы может легко получить по голове, и по праву.

Да, это требование носить форму при охране общественного порядка не распространяется на оперативных работников. Всё должно быть целерациональным.

— Хорошо бы обучить всех сотрудников милиции вежливому обращению со всеми гражданами, включая правонарушителей. Про Декларацию прав человека и Конституцию не говорим, это само собой разумеется. Разработать белорусский аналог «правила Миранды». Обучить ему каждого милиционера и натренировать произносить его внятно и с выражением, а не так, как пономарь.

Зачем? Это долго объяснять, но поверьте, это очень поспособствует взаимному доверию между милицией и народом.

— Хорошо бы не строить обвинение в суде только на свидетельских показаниях милиционеров. С них вполне достаточно составления протоколов и подготовки дела для передачи в суд. Не стоит ставить милиционеров в ситуацию, в которой оказались наши с вами герои — Яковлев И.И., Шишко А.А. и Пресняк Д.В.

Зачем? Во-первых, это совсем некрасиво.

Во-вторых, это развращает и деморализует личный состав. А народ может только тогда доверять милиции, когда каждый милиционер блюдет свой моральный облик и с гордостью носит высокое звание защитника закона.

— Хорошо бы мне с вами обсудить все затронутые в этом разговоре проблемы публично — в какой-нибудь специальной передаче белорусского телевидения.

Зачем? Да затем, что все это напрямую касается всех и каждого.

У меня есть еще несколько простых соображений о работе милиции и о сотрудничестве милиции с народом, а народа с милицией, но боюсь, что я и так злоупотребил вашим вниманием. Хватит ли у вас времени и терпения дочитать это до конца, ведь говорят, что в эпоху Интернета люди не читают больше трех абзацев. А высокопоставленные должностные лица не рассматривают документы объемом больше полутора страниц.

Но что делать! Вам не повезло со мной. Потому что не надо было затевать это дело. Но раз уж нарвались на философа, то терпите. Недолго осталось. Я не могу обойти вниманием еще только одну тему.

Давайте напоследок поговорим обо мне

Могу ли я считать инцидент исчерпанным? Я обратился с заявлением в прокуратуру и просил дать правовую оценку поведению ваших подчиненных на суде. Это было до того, как вы высказались по моему делу. Вот теперь пытаюсь представить себе их ситуацию. Какую оценку они могут дать, если сам министр уже высказался по этому поводу, пусть и не в официальной обстановке. Они ведь будут вынуждены опираться на вашу оценку. Честно говоря, мне это не нравится. Еще раз повторю: я не согласен с вашей оценкой. Это была не ошибка.

Это был сбой в повседневной практике, на которую никто, включая вас, не обращал внимания, считая эту практику нормальной. Сбой произошел случайно — просто так сложились обстоятельства. А ведь могли бы сложиться и иначе, и эта практика продолжалась бы.

Надеюсь, что после такого разговора вы, Игорь Анатолиевич, согласитесь с тем, что такая практика недопустима и должна быть прекращена?

О том, насколько малы ваши возможности, я уже рассказал. Теперь меня интересует, могу ли я быть вам чем-то полезен, если вы все же предпримете усилия по прекращению этой практики?

Видите ли, это совсем не моя сфера — волею обстоятельств я оказался в это все вовлечен. Но раз уж так сложилось, то грех этим не воспользоваться.

У меня нет личных обид и нет особой тревоги за свое будущее. Я, в целом, вполне законопослушный гражданин. Мне за державу обидно. Да, я активный гражданин, и, в силу активности, время от времени приходится сталкиваться с правоохранительными органами. Я, как и все, нуждаюсь в защите закона, в справедливом разрешении затруднений и редких конфликтных ситуаций. И, увы, я очень хорошо информирован и слишком много знаю, чтобы не беспокоиться совсем.

Еще я хочу видеть нашу страну цивилизованной, справедливой, процветающей, создающей возможности для реализации способностей и талантов всех граждан.

У меня много дел и задач, время неумолимо, и на осуществление моих планов все меньше сил и времени. Но я готов отвлечься от других дел, чтобы помочь вам в решении всех тех проблем, которые мы здесь обсуждаем. Это очень нужно всем нам, и мне, пусть даже некоторым кажется, что я из тех, «кому больше всех надо».

Министр и философ — это, конечно, не кардинал с галантерейщиком, но ведь и мы на что-то способны!

Так что, я весь к вашим услугам!

Владимир Мацкевич, 7 апреля 2016 года